Н. Н. Вопленко

ИСТИНА И СПРАВЕДЛИВОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОСВЯЗИ

В статье рассматриваются актуальные теоретические вопросы понятия и соотношения истины и справедливости. Особое внимание уделяется роли истины в формировании юридической справедливости. Автор видит в истине гносеологические основания справедливости.

Ключевые слова: право, истина, справедливость, законность, интересы, норма.

N. N. Voplenko

TRUTH AND JUSTICE: PROBLEMS OF INTERCONNECTION

The article focuses on the topical theoretical issues of the notion and correlation of truth and justice. Special attention is paid to the role of truth in forming legal justice. The author considers truth as gnoseological grounds for justice.

Keywords: law, truth, justice, legality, interests, standard.

Справедливость в ее познании и практическом осуществлении неразрывно связана с истиной, ее понятием и значением. Исследователи констатируют, что справедливость как особое качественное состояние общественной жизни не может быть достигнута без поисков и установления истины тех социальных явлений, которые подвергаются познанию и нравственной оценке. Истина, следовательно, рассматривается как *гносеологическое основание справедливости*. Рассматривать какое-либо социальное явление в качестве истинного — значит мыслить его в виде нравственно оправданного, а оценивать соответствующим требованиям справедливости — значит признавать его истинность. Однако эта формула выглядит достаточно абстрактной и в сфере правовой действительности составляет предмет давней, развивающейся во времени дискуссии.

Концепция «истины-справедливости» имеет длительную историю. Человеческая мысль издавна отмечала сопряженность данных понятий и диалектический характер их взаимодействия. Но если в категории истины всегда делался акцент на ее преимущественно познавательном содержании, то в справедливости выделяли более сложную, комплексную структуру, выражающуюся в системе материально-идеологических и нормативно-ценностных элементов, определяющих качественное состояние общественной жизни. Другими словами, процесс и

результат человеческого искания истины менее идеологичен, что, разумеется, не исключает возможности их использования в классовых интересах. Истина бесстрашна как объективный результат соответствия человеческих знаний объективной реальности. Справедливость же от своей доминирующей идеи через принцип, механизм осуществления и общественный режим насквозь пронизана противоборством индивидуальных и групповых интересов и в значительной степени выступает продуктом идеологизированных представлений о свободной и счастливой человеческой жизни. И это в полной мере прослеживается в истории общественного развития.

Античная философская мысль, представленная в трудах Платона и Аристотеля, обожествляла человеческий разум в его поисках истины и справедливости, связывала их с достижением блага. Платон устами Сократа утверждал, что идея блага раскрывается в понятиях красоты, соразмерности и истины: «Ум же либо тождественен с истиной, либо всего более ей подобен и близок» [1, с. 83, 84]. Это и есть одно из принципиальных выражений бессмертного платоновского идеализма, согласно которому познание истины блага и соответствующих его добродетелей обеспечивает нравственную жизнь людей. «Знание, отделенное от справедливости и другой добродетели, представляется плутовством, а не мудростью» [2, с. 168].

Аристотелю принадлежат знаменитые слова о том, что познать истину легко и вместе с тем трудно в том смысле, что этим заниматься может любой человек, но не каждому это удастся. Более точно эта мысль Стагирита выражена в словах, выгравированных на здании Национальной академии наук США в Вашингтоне: «Искать истину

и легко и трудно, ибо очевидно, что никто не может ни целиком ее постигнуть, ни полностью ее не заметить, но каждый добавляет понемногу к нашему познанию природы, и из совокупности всех этих фактов складывается величественная картина» [3, с. 245]. Ему же принадлежит идея понимания содержания истины как «связанности», соответствия наших знаний предмету познания: «...сущее — это истинное и ложное, что имеет место у вещей через связывание или разъединение, так что истину говорит тот, кто считает разъединенное разъединенным и связанное — связанным, а ложное — тот, кто думает обратное тому, как дело обстоит с вещами» [4, с. 250].

Идея связанности истины с благом и ведущими к нему добродетелями получила развитие в трудах последующих мыслителей, периодически подчеркивавших то ее объективный и абсолютный, то относительный характер. Особое внимание при этом уделялось разграничению истины с правдой и правдоподобием. Так, Сенека писал: «Правда и правдоподобие отличаются друг от друга. Благо же непременно сочетается с правдой: что не истинно, то не благо; а что привлекает и заманивает, то правдоподобно, оно подкрадывается, подзадоривает, влечет» [5, с. 232]. Эти суждения на многоликий и трудноуловимый характер истины, скрывающейся под маской правдоподобия, положили начало гносеологическому скептицизму, существующему и в настоящее время в виде философского постмодернизма. Истоки же его в античном пирронизме, сочинениях Платона и Аристотеля, в безграничности человеческого познания и скепсисе просветителей эпохи Возрождения.

М. Монтень писал, что ложь в «противоположность истине обладает сотней тысяч обличий и не имеет пределов» [6, с. 36]. Он приводит по этому поводу весьма характерное высказывание Цицерона: «Мы полагаем, что во всякой истине всегда есть нечто

ложное и что сходство между истиной и ложью столь велико, что нет такого отличительного признака, на основании которого можно было бы судить наверняка и которому можно довериться» [6, с. 487]. Ф. Бекон, разоблачавший идолов человеческого познания и призывавший видеть в опыте основу познавательной деятельности, определял истину как дочь времени, а не авторитета [7, с. 48]. «...Человеческая душа, раз она отчаялась найти истину, становится менее деятельной» [7, с. 34].

Д. Локк, продолживший традицию Аристотеля в рассмотрении истины как соединения и разъединения идей и их знаков сообразно соответствию и несоответствию обозначаемых ими вещей, отмечал, что «реальная истина касается идей, соответствующих вещам». И далее: «Истина реальна лишь постольку, поскольку обозначаемые таким образом в звуках идеи соответствуют своим прообразами» [8, с. 55, 56]. Ему же принадлежит выделение истин словесных, реальных, метафизических, нравственных и т. д. Обращает на себя внимание определение Локком нравственной истины как рассуждения о вещах «согласно убеждению нашего собственного ума, хотя бы наше высказывание не соответствовало реальности вещей» [8, с. 56]. Это утверждение и поныне подпитывает «червь сомнения» в оценке достоверности и глубины нравственно-правовых суждений. Отсюда возникает недоверие к судебной и иной правоприменительной истине, сформировавшейся на основе внутреннего убеждения должностного лица или иного субъекта.

Значительное влияние на развитие философских представлений об универсальности представлений о понятии истины и поисках всеобщего ее критерия оказал И. Кант. Отвечая на знаменитый вопрос Пилата: «Что есть истина?», он отнес его к числу нелепых, вызывающих смешное зрелище, когда один (по выражению древних) доит козла, а другой держит под ним решето [9, с. 159]. Кант определял истину как соответствие знания с его предметом, но при этом выделял истину формальную, постигаемую законами логического мышления, и истину содержательную, определяемую законами бытия предмета [9, с. 160]. Выделение в учении об истине «царства логики» и «царства предметно-содержательного познания» оказало существенное влияние на всю последующую гносеологию и в частности на понимание особенностей

познавательного-оценочного процесса в сфере юриспруденции.

Учение об истине получило диалектическое представление в философской концепции Гегеля. По его мнению, «...истиной в философии называется соответствие понятия реальности» [10, с. 85]. Процесс постижения истины он подчинил идее развития абсолютного духа и его воплощению

в явлениях практического и чистого разума. В его концепции бытие постольку достигает значения истины, поскольку идея есть единство понятия и реальности. Истинное не есть нечто только покоящееся, сущее, но есть только нечто самодвижущееся и живое. Истинное и ложное не есть две крайности, которые исключают друг друга. Напротив, ложное есть неравенство знания с его субстанцией. Это неравенство составляет существенный момент, импульс, заставляющий снять неравенство и достигнуть истинного знания. Данное равенство, возникшее в связи с неравенством, и есть истина [3, с. 640—646].

Существенное значение Гегель придает разграничению понятий истинности и правильности: «Мы можем иметь в своей голове много правильного, что вместе с тем неистинно» [11, с. 126]. Это можно отнести к характеристике государства. Различая спекулятивное, формальное познание истины и содержательное, Гегель подчеркивает, что содержательная истина усматривается только в тех явлениях, которые сами себя опосредуют и не являются результатом опосредования других явлений. В целом Гегель оставил немало светлых идей для теории истины, но вместе с тем его теория познания в значительной мере подчинена и ограничена рамками авторской философской системы. Отсюда торжество логики мысли над логикой жизни.

Марксистская теория познания восприняла представления классической философии об истине как соответствии знаний вещам вне зависимости от человека. Истинное знание трактуется в качестве адекватного отражения объекта субъектом и воспроизведение его так, как он существует сам по себе [12, с. 230]. В отечественной гносеологии значительное внимание уделялось объективной истине, ее неисчерпаемости и относительности в соотношении с истиной абсолютной. При этом

в качестве критерия истины рассматривалась общественная практика.

Следует признать, что эти идеи вполне соответствовали специфике юридического познания и служили относительно надежным ориентиром для практической деятельности юристов, чего нельзя, на наш взгляд, сказать о современной концепции доказательств и их оценке в уголовном процессе на основе вероятности знаний по юридическому делу. Между тем, справедливо отмечает М. С. Строгович: «...любое отождествление или даже сближение объективной, материальной истины в уголовном процессе с вероятностью (хотя бы с ее очень высокой степенью) установленных судом фактов совершения подсудимым преступления — есть признание права суда на ошибку, какими бы оговорками, ограничениями и предосторожностями это не обставлялось» [13, с. 87].

Ошибка же в правоприменительной деятельности должна квалифицироваться как нарушение законности и, следовательно, «довольствование» вероятностными знаниями в юридическом процессе — есть нечто иное, как балансирование суда, следователя и прочих участников процесса на грани нарушения законности. Вероятностные знания по юридическому делу выглядят как недостаточные, непроверенные, сомнительные, односторонние и неадекватные сведения о фактах жизни и нормах права, в соответствии с которыми выносятся правовое решение. Это недостижение объективной истины по делу и подмена ее своеобразным суррогатом приблизительных, поверхностных знаний. Вот почему сомнительной выглядит научная тенденция подмены понятия объективной истины по юридическому делу истиной юридической и судебной. Так, А. В. Аверин скептически утверждает, что объективная истина — недостижимая мечта. Ее ни познать, ни установить невозможно, ибо объективная реальность слишком разнообразна, а человеческие возможности для ее абсолютного познания ничтожно малы [14, с. 120, 121]. Отсюда автор делает вывод о том, что суд познает не объективную реальность, а юридическую, и следовательно, истина, достигаемая в правоприменительном процессе, является особой

юридической, а не реальной или объективной. Думается, что автор отождествляет объективную истину с абсолютной, исчерпывающей человеческое познание и служащей его пределом. Однако объективная истина в правоприменении акцентирует внимание не на предельности и исчерпанности полученных знаний, а на их соответствии объектам познавательной работы, адекватности приобретенной информации реальным фактам, подвергнувшимся исследованию и ее независимости от субъективных пристрастий и оценок участвующих в рассмотрении дела субъектов. К тому же ценность понятия объективной истины состоит в ее преодолении значимости формальных знаний, полученных на основе использования логических средств и приемов, их соотношении с реальными обстоятельствами дела и добытыми доказательствами, на основе которых выносится правоприменительное решение. Истина, таким образом, приобретает черты «материальности». Поэтому объективная истина всегда материальна в том смысле, что она основывается на глубоких знаниях материалов юридического дела, преодолевает формальный характер познавательного процесса, не зависит от субъективизма оценок отдельных лиц и сообщает всеобщей относительности человеческих знаний ценность надежного ориентира содержательно обоснованной деятельности.

На наш взгляд, не может быть оправдан отказ от объективной истины путем замены ее истиной судебной. Так поступает А. С. Александров, отмечая, что «...современный законодатель отказался от концепции объективной истины, но обязал суд принимать правильные решения, т. е. такие, которые отвечают требованиям разума, нравственности, закона. Критерий объективности судебной истины лежит не в соответствии суждениям суда объективной реальности, а в соответствии общественному мнению» [15, с. 170]. Позицию автора можно обозначить как крайнее выражение *„лингвистического позитивизма“*, ибо, по его мнению, «...право — это текст, т. е. нечто, артикулированное языком. Судебная истина вся в словах. Язык заставляет нас проговаривать „истину“, признаваемую таковой нашими слушателями» [15, с. 10].

Воспевая речевую и текстовую дискурсивность как универсальное средство создания образа и содержания права, А. С. Александров оправдывает субъективизм в оценке доказательств по уголовному процессу, ибо оценка их значимости осуществляется на основе софистики участников правоприменения и герменевтических ухищрений. По его мнению, в области методологии «следует забыть о методологии», отбросив как проклятие наследие диалектического материализма и «бредни о „естественном праве“, „божественном праве“, праве как мере свободы и пр.» [15, с. 10]. Однако нетрудно заметить, что отказ автора от методологии на самом деле выглядит как его выбор в пользу методологии постмодернизма со всеми его негативными крайностями. Философский постмодернизм выглядит как негативная мировоззренческая примета нашего времени, ибо в его основе лежит разочарование и неверие в способности человеческого разума познать истину в реальном мире — иррационализм, а также представление об относительности и дискурсивном характере человеческих знаний вообще — релятивизм. Но наиболее методологически опасны и социально вредны его выводы о непознаваемости и относительном характере идей и практики в сфере истины и справедливости.

Негативную характеристику этому явлению дает В. В. Сорокин: «Постмодернизм — это хаос, дисгармония, инерция, распад, в которых все относительно, неопределенно, лишено целостности, упорядоченности и устойчивости» [16, с. 80]. Особенно рельефно это просматривается в сфере права, где «...субъекты толкования права, вкусившие плодов постмодернизма, объявляют поиски смысла правовых норм архаичным занятием и, уподобляясь античным софистам, демонстрируют способность отыскивать смыслы в любом юридическом тексте». И далее: «Истина в праве стала восприниматься в качестве перманентно меняющейся стихии, а потому не существующей, а становящейся. Истину сейчас воспринимают средством, а не целью юридического процесса» [16, с. 400]. Это позволяет согласиться с мнением о том, что «...отрицание возможности достижения объективной истины, нацеливание судопроизводства на достижение лишь

„юридической“, „судебной“ истины дезорганизует познавательно-оценочную деятельность суда, приводит к судебным ошибкам, нарушениям конституционности и законности, снижает активность суда, его позитивную ответственность за осуществление правосудия» [17, с. 10].

В общетеоретическом плане понятие и особенно сфера применения категории истины в праве продолжает оставаться дискуссионным. Здесь можно выделить два основных научных подхода к этой проблеме: *широкий*, рассматривающий практически все правовые явления через призму их истинности или ложности, и *узкий*, обосновывающий ограниченное использование критерия истинности в сфере права. Наиболее последовательным сторонником широкого подхода к анализу явлений правовой жизни посредством их оценки в качестве истинных или ложных выступает В. М. Баранов. По его мнению, истинность — объективное свойство нормы права, выражающее проверяемую практикой общественной жизни меру пригодности в виде познавательно-оценочного образа соответственно отражать тип, вид, уровень либо элемент развития прогрессивной человеческой деятельности [18, с. 231]. Истинность раскрывается в сфере права через показатели его реальности, правильности, достоверности, обоснованности, справедливости как в области правотворчества, так и правореализации.

Противоположный и ограничительный взгляд на возможности использования критерия истинности применительно к праву высказывает А. Ф. Черданцев: «Приписывание нормам права свойства истинности—ложности неизбежно ведет к тому, что это качество зависит от законодателя и лиц, исполняющих законы (состояния законности). Такое положение противоречило бы научному пониманию истины как не зависящей ни от человека, ни от человечества» [19, с. 3].

Думается, что перед нами достаточно яркий пример того положения, когда послушное следование требованиям формальной логики в ее делении всех языковых высказываний на дескриптивные и прескриптивные ведет к необходимости отрицания качества истинности и ложности за продуктами познавательно-оценочной деятельности людей, полностью зависящих от качества их работы, глубины проникновения в сущность решаемой задачи. Действительно, разве судебное решение или

приговор по юридическому делу не определяются уровнем или глубиной познания истины при исследовании фактических обстоятельств рассматриваемого дела или выбором и анализом норм права, их истолкованием? Уместно поставить и другой, в значительной мере риторический вопрос: а разве не достаточно глубокое и при этом классово пристрастное познание законодателем потребностей общественной жизни не может провоцировать издание ложных, неистинных законов? Сегодняшняя российская действительность со всей очевидностью позволяет ответить утвердительно на оба вопроса.

Сложность проблемы применения критерия истинности и ложности к правовой действительности в значительной мере определяется логическим делением информации о праве на дескриптивную и прескриптивную. Дескриптивными принято именовать высказывания, описывающие факты и состояния и не имеющие оценочно-нормативного значения. Прескриптивные, наоборот, имеют ценностно-нормативную природу и, как утверждает логика, являются модальными суждениями, к которым критерий истинности и ложности не применим.

Как полагает А. Ф. Черданцев, нормы права не могут быть истинными или ложными. Они обладают другими характеристиками, такими как: целесообразные или нецелесообразные, эффективные или неэффективные, справедливые или несправедливые [19, с. 27]. Однако имеются все основания полагать, что деление информации о праве на дескриптивную и прескриптивную излишне категоричное и не всегда учитывающее взаимопереходы человеческой мысли от описания предмета познания к формулированию закономерностей его бытия и, наоборот, от оценочно-нормативных высказываний к изложению существенных свойств объектов познания и деятельности. Особенно это заметно в социальной сфере, где, например, описание состояния законности в общественной жизни осуществляется с использованием нормативно-оценочной терминологии. Истина как результат юридического познания, таким образом, приобретает оценочно-нормативные черты. Ее логическая производность выражается в понятии объективной истины, а содержательная сторона — в понятии материальной истины. Единство этих

двух аспектов в теории права «формирует сущность двух порядков — знание, объективно отражающее правовую деятельность, и практика, обеспечивающая его истинность» [20, с. 77]. Речь, следовательно, идет о соединении в правовой истине ее двух аспектов: формально-логического и содержательно-практического, ибо «истина — не просто идея, но руководство к действию, повелевающая директива, правило, образец, мера и одновременно внутренний личностный императив субъекта» [21, с. 16]. И это означает, что истина в праве не только предельно глубокое и обстоятельное познание нормативной ситуации, но и закрепление в виде принципов и конкретных требований программы юридической деятельности, основанной на критериях объективности, беспристрастности, обоснованности, целесообразности и справедливости [22, с. 4]. Истина, таким образом, как бы разворачивается в своих нормативных требованиях, хотя и остается в значительной мере оценочным явлением, связанным с идеей блага, а, следовательно, и с идеей справедливости. Не случайно в этой связи в философской литературе отмечается, что симптомами истинности знаний выступают ясность, отчетливость и даже вера, надежда и любовь [23, с. 62]. Последние идеи являются продуктами человеческих исканий истины в личной и общественной жизни. С истиной люди связывают свои надежды, верят в ее восторжествование, любовь к истине рассматривают как одну из высших добродетелей.

Свойство истинности правоприменительной деятельности, раскрываясь и конкретизируясь в требованиях законности, обоснованности, справедливости и т. д., не утрачивает при этом своей собственной формально-содержательной сущности как соответствия человеческих знаний объективной реальности, лежащей в основе юридической деятельности. Требования

истинности пронизывают познавательно-оценочный процесс изучения фактических обстоятельств рассматриваемого дела, выбор и анализ подлежащих применению норм права, юридическую квалификацию познанных обстоятельств и доказательств по делу и, наконец, воплощаются в правоприменительном решении. Они вытекают из интеллектуально-волевого, творческого характера правоприменения как познавательно-оценочного процесса решения правоприменителем задач, среди которых достижение истины внутренне сопровождает и ориентирует его практическую работу. Поэтому вряд ли можно согласиться с мнением В. М. Сырых о том, что «...резольтивная часть правоприменительного акта не может рассматриваться с позиций истины или заблуждения», и критерий истинности применим лишь для оценки актов познания фактических обстоятельств дела [2, с. 329, 330]. Предлагаемый им критерий *правильности* вместо истинности для оценки принятого по юридическому делу решения фактически выражается в требованиях законности.

Между тем с точки зрения инструментальной ценности законность призвана быть средством достижения точности, слаженности и безупречности работы механизма правового регулирования, основанных на строгом выполнении правил, установленных действующим законодательством [24, с. 21]. Поэтому следует признать, что правильность высвечивает и характеризует истинность юридических решений с позиций соответствия действующему законодательству как не противоречащих нормам права. Она усиливает нормативную концепцию истины в праве, что наиболее адекватно характеризует ее практическую ценность [20, с. 77].

(Окончание статьи в № 3 (26) 2013 г.)

Список библиографических ссылок

1. Платон. Филеб: соч. в 3 т. М.: Мысль, 1971. Т. 3 (1).
2. Сырых В. М. Логические основания общей теории права: в 2 т. М.: Юстицинформ, 2000. Т. 1.
3. Таранов П. С. 150 мудрецов и философов. (Жизнь. Судьба. Учение. Мысли): в 2 т. Симферополь—Запорожье: Нарус-М, 2000. Т. 1.
4. Аристотель. Метафизика: соч. в 4 т. М.: Мысль, 1976. Т.1.
5. Сенека. Письма к Луциллию // Сенека, Марк Аврелий. Наедине с собою. Симферополь: Ренеме, 2002.
6. Монтень М. Опыты: полн. изд. в одном томе. М.: Альфа-книга, 2009.
7. Бекон Ф. Новый Органон: соч. в 2 т. М.: Мысль. 1972. Т. 2.
8. Локк Д. Опыт человеческого разумения: соч. в 3 т. М.: Директ-Медиа, 2002. Т. 2.
9. Кант И. Критика чистого разума: собр. соч. в 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 3.
10. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990.
11. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук: соч. М.: Мысль, 1974. Т. 1.
12. Чичерин Б. Н. Философия права. Избранные труды. СПб.: Изд-во С.-Пб. ун-та, 1998.
13. Проблемы судебной этики / М. С. Строгович [и др.]. М.: Наука, 1974.
14. Аверин А. В. Правоприменительная деятельность суда и формирование научно-правового сознания судей. Проблемы теории и практики. Саратов: Изд-во СГАП, 2003.
15. Александров А. С. Введение в судебную лингвистику. Н. Новгород: Нижегород. правовая академия, 2003.
16. Сорокин В. В. Юридическая глобалистика. Барнаул: ООО Ветеранов милиции, 2009.
17. Волкова Е. И. Судебное правоприменение как познавательно-оценочная деятельность (вопросы теории): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2009.
18. Баранов В. М. Истинность норм советского права. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1989.
19. Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993.
20. Лисюткин А. Б. Юридическое значение категории «ошибка»: теоретико-методологический аспект. Саратов: Изд-во СГАП, 2001.
21. Корнев Г. П. Идеонормативная концепция истины. Философия и правоприменение. М.: Академический проект, 2006.
22. Пьянов Н. А. Истина в правоприменительной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1987.
23. Левин Г. Д. Истинность и рациональность. М.: Канон, 2011.
- Вопленко Н. Н. Понятие и виды юридической справедливости // Вестн. ВолГУ. Серия 5. 2011. № 2.